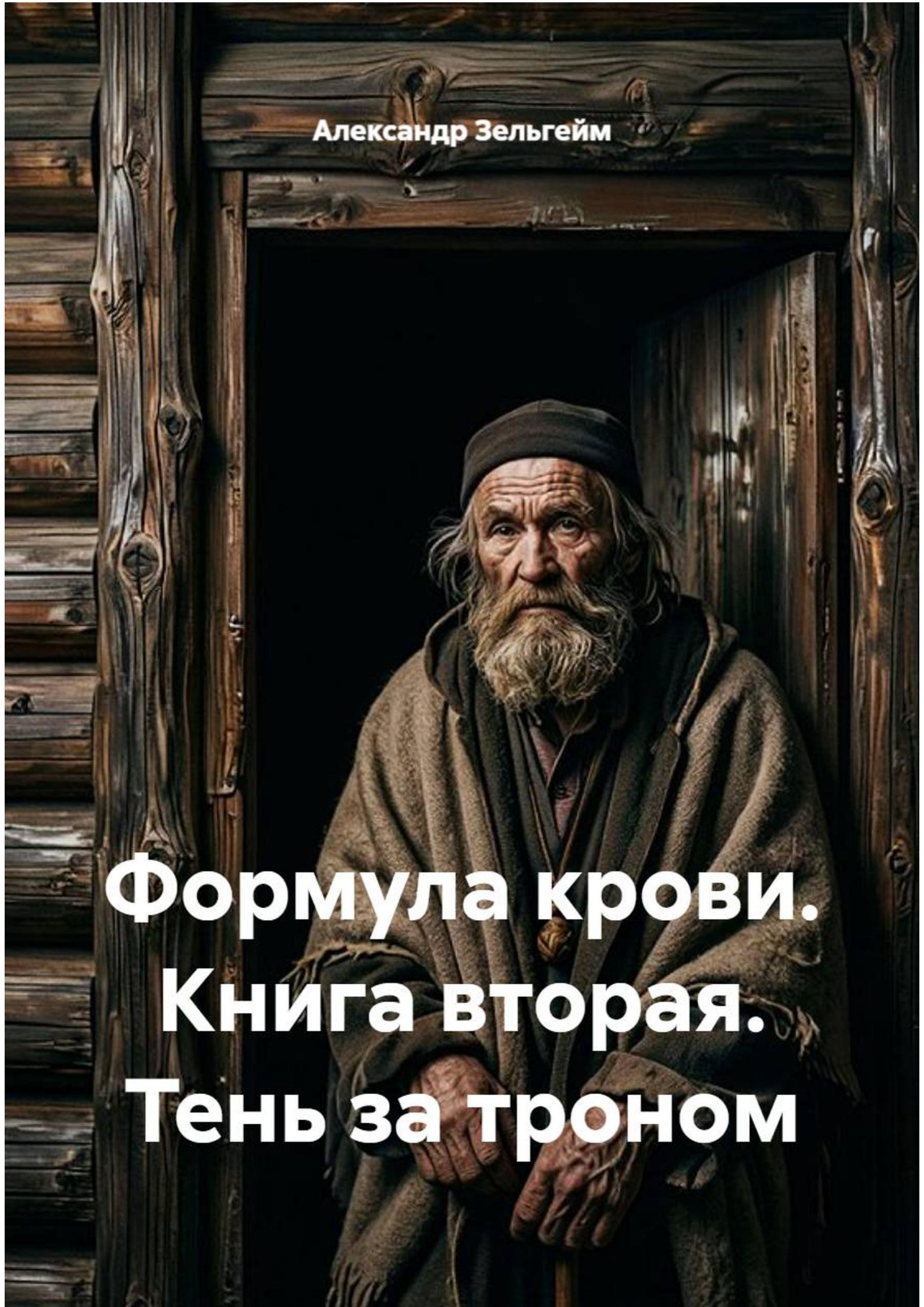

Александр Зельгейм

**Формула крови.
Книга вторая.
Тень за троном**

Формула крови

Александр Зельгейм

**Формула крови. Книга
вторая. Тень за троном**

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Формула крови. Книга вторая. Тень за троном / А. Зельгейм — «Автор», 2026 — (Формула крови)

Варнава проиграл. Формула уничтожена, Милован — в темнице, братья Громы наконец вместе. Белогорье празднует победу. Но победа — это не конец. Это начало. Ратибор, глава Совета, ещё не знает, что старейшина не отступил — он просто затаился. И у него есть союзник в самом сердце Кремля. Алхимик Ратмир продолжает искать правду о матери — женщине, которую двадцать лет назад столкнули в Застенье. И находит: она жива. Но путь к ней лежит через проклятие Ратибора, через запретные архивы и через сделку с тем, кого нельзя проиграть. Варнава даёт три дня. Три дня на то, чтобы отдать ему брата. Три дня на то, чтобы предать или спасти. Шелест и Клещ снова в центре бури — ворон и паук, которые видят то, чего не видят люди. А за стеной, в сером тумане, ждёт мать. И ждёт враг. Продолжение «Формулы крови» — история о братстве, предательстве и цене памяти.

Александр Зельгейм

Формула крови. Книга вторая. Тень за троном

ПРОЛОГ. ПЕПЕЛИЩЕ

Две недели после победы на Соборной площади. Белогорье залечивало раны — медленно, со скрипом, как старик, который пытается встать с кровати после долгой болезни. Алхимический квартал отстраивался: пахло свежей смолой, мокрой штукатуркой и потом. На месте сгоревших домов выросли новые — кривые, неказистые, но живые. Жизнь возвращалась.

Ратибор Громов стоял на крыше Кремля и смотрел на город. Ветер трепал полы его плаща, вышитого серебром, — того самого плаща, который он носил десять лет, который стал его бронёй, его маской, его тюрьмой. Теперь плащ казался тяжёлым. Слишком тяжёлым. Как будто к нему прицепили камни.

Шелест сидел на парапете рядом. Ворон чистил перья — медленно, задумчиво. Он тоже изменился за эти две недели. Стал тише. Серьёзнее. Как будто увидел что-то, что не хотел видеть.

— Ты думаешь о нём? — спросил Ратибор.

Шелест каркнул. Тихо. «О ком?»

— О Миловане. О Варнаве. Обо всех.

«Думаю. Каждый день».

Ратибор кивнул. Он тоже думал. Каждый день. Каждую ночь. Он думал о том, что мог сделать иначе. О том, что мог спасти отца. О том, что мог не уходить десять лет назад. Но прошлое не меняется. Прошлое — это камень, который ты носишь с собой. Можно бросить, но он оставит след.

— Что теперь? — спросил Ратибор. — Мы победили. Варнава в Застенье. Милован в темнице. Формула уничтожена. Что теперь?

Шелест посмотрел на него. В его глазах была древняя мудрость — и что-то ещё. Что-то похожее на страх.

«Теперь будет хуже. Победа — это не конец. Это начало. Варнава не проиграл. Он просто отступил. Он вернётся. И когда вернётся — он будет сильнее».

Ратибор молчал. Он знал, что ворон прав. Он чувствовал это. Как будто где-то глубоко под землёй что-то шевелилось. Что-то тёмное. Что-то голодное.

— Тогда мы будем готовы, — сказал он.

Шелест каркнул. «Будем. Но не сейчас. Сейчас — отдых. Ты заслужил».

Ратибор улыбнулся — впервые за две недели. Улыбка была усталой, но настоящей.

— Может, ты прав, — сказал он. — Может, я действительно заслужил.

Он развернулся и пошёл вниз. Шелест полетел за ним. А над Белогорьем вставало солнце — новое солнце нового дня.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГЕРОИ И ИЗГОИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Мастерская Ратмира пахла серой, мятой и жжёным сахаром. Ратмир сидел на столе, болтая ногами в прожжённых сапогах, и жевал вяленую рыбу. В одной руке он держал колбу

с мутной жидкостью, в другой — кусок хлеба. Клещ сидел на его плече и чистил лапки с видом оскорблённого достоинства: хозяин опять крошил на него хлеб.

— Ты знаешь, что он опять не пришёл? — спросил Ратмир у паука.

Клещ защёлкал. «Кто?»

— Ратибор. Обещал зайти утром. Не зашёл.

«Он глава Совета. У него дела».

— Дела, — фыркнул Ратмир. — У всех дела. У меня тоже дела. Я, между прочим, работаю над новым взрывным составом. Он может снести полквартала. Но я же нахожу время.

Клещ защёлкал с сарказмом. «Ты находишь время сидеть на столе и жевать рыбу».

— Это стратегическое планирование, — ответил Ратмир. — Настоящий алхимик всегда думает. Даже когда ест.

Дверь скрипнула. На пороге появилась Мила — оружейница из Нижнего города, с руками в мозолях, в кожаном фартуке, пропахшем железом и маслом. Она держала в руках свёрток, из которого торчал край нового алхимического тигля — идеально ровного, с выгравированными рунами по краю.

— Я починила твой заказ, — сказала она, кладя свёрток на стол. — И ещё — вот. — Она вытащила из кармана маленький металлический флакон. — Это от ожогов. Ты вчера опять руку обжёг, я видела.

Ратмир посмотрел на свою левую руку — на ней действительно красовался свежий волдырь, который он не заметил. Он улыбнулся своей фирменной, озорной улыбкой, но в этот раз в ней было что-то другое — мягкость, которую он сам в себе не признавал.

— Ты следишь за мной, оружейница?

— Кто-то же должен, — ответила Мила, не улыбаясь, но в её глазах мелькнул огонёк. — Ты, говорят, герой теперь. Героям нельзя ходить с обожжёнными руками.

— Герой, — фыркнул Ратмир. — Это всё слухи. Я просто взорвал пару колб и вовремя убежал.

— И спас брата, — тихо сказала Мила.

Ратмир замолчал. Он смотрел на флакон в её руке и думал о том, что эта девушка, которая ковала оружие для всего Нижнего города, единственная, кто говорит с ним прямо, без масок.

— Спасибо, — сказал он, забирая флакон. Их пальцы соприкоснулись, и он почувствовал, как её кожа — тёплая и шершавая — на мгновение задержалась на его коже. — Я... зайду на неделе. Проверить тигель.

— Заходи, — ответила Мила и вышла, оставив после себя запах железа и что-то ещё — едва уловимое, похожее на полевые цветы.

Клещ защёлкал. «Ты покраснел».

— Замолчи, — буркнул Ратмир.

«Правда. Твои уши стали красными».

— Это от жара. Здесь жарко.

«Здесь не жарко. Это любовь».

— Клещ, — сказал Ратмир, — если ты скажешь ещё хоть слово, я засуну тебя в колбу с кислотой.

Клещ замолчал. Но его лапки подрагивали — он смеялся.

А в это время Ратибор Громов стоял в зале Совета и слушал, как его называют предателем.

— Он уничтожил формулу, — говорил Варнава. Старейшина Первого Круга стоял за столом из чёрного дуба. Его голос, скрипучий, как несмазанное колесо, разносился по залу.

— Формулу, которая могла спасти сотни бесплодных магов. Формулу, над которой его отец работал всю жизнь. И кто он после этого? Герой?

Он обвёл взглядом зал. Тридцать магов Первого Круга сидели на скамьях, и их лица были холодны. Ратибор стоял перед ними один, в том же плаще с серебряной вышивкой, но теперь эта вышивка казалась ему тяжёлой, как камень на шее.

Шелест сидел на спинке стула рядом — стража не стала спорить с фамильяром главы Совета. Ворон смотрел на Варнаву с неприкрытой ненавистью. Если бы взглядом можно было убивать, старейшина давно бы уже лежал на полу.

— Я не уничтожал формулу, — сказал Ратибор ровно. — Это сделал мой брат. И он сделал это по просьбе отца.

— По просьбе отца? — Варнава поднял бровь. — У тебя есть доказательства?

Ратибор молчал. Дневник отца остался у Ратмира — тот вырвал последнюю страницу и развеял по ветру, но остальные записи были спрятаны. А признание, которое он нашёл в архиве... он не мог его предъявить, не раскрыв, что проник в закрытую секцию.

— Нет доказательств, — заключил Варнава. — Значит, остаются только слова. А слова твоего брата — это слова алхимика, который взорвал половину города.

— Он спас город, — сказал Ратибор, и в его голосе впервые за долгое время звякнула сталь. — Если бы формула попала к вам, вы бы уничтожили Круги.

Зал замер. Варнава прищурился.

— Ты обвиняешь меня? — тихо спросил он.

— Я никого не обвиняю, — ответил Ратибор, выдерживая паузу. — Я просто говорю, что мой брат — не преступник. И если Совет хочет кого-то судить, пусть начнёт с тех, кто заказал убийство моего отца.

Он развернулся и вышел из зала, чувствуя спиной тридцать пар глаз. Шелест полетел за ним, каркнув на прощание что-то нелестное в адрес Варнавы.

На крыльце их встретил холодный ветер. Белогорье просыпалось: зазвонили колокола на церквях, залаяли собаки, заскрипели телеги. Ратибор глубоко вдохнул воздух, смешанный с дымом и прелостью, и почувствовал, как внутри закипает злость. На старейшин, на брата, на самого себя.

— Плохо, — сказал он ворону. — Очень плохо.

Шелест каркнул.

— Да, я знаю, что надо было сказать больше. Но если бы я сказал всё, меня бы арестовали прямо там.

Ворон склонил голову набок.

— Ты прав, — вздохнул Ратибор. — Надо найти доказательства. Иначе он уничтожит нас обоих.

Он спустился с крыльца и пошёл в сторону рынка, где среди лотков с травами и амулетами пряталась лавка Зоряны. Он не хотел идти туда — точнее, хотел, но боялся. После того разговора на рынке, после полыни и слов о грязной ауре, он не мог перестать думать о ведьме. Это было неудобно, неуместно и совершенно некстати.

Но ему нужна была помощь. И, кроме Зоряны, помочь ему было некому.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОЛЫНЬ И ПРАВДА

Лавка Зоряны пахла мятой, полынью и чем-то сладковатым, похожим на мёд. Ведьма сидела за прилавком, перебирая пучки сушёных трав, и когда Ратибор вошёл, даже не подняла головы.

— Ты долго, — сказала она.

— Я был занят, — ответил Ратибор, останавливаясь у порога. — Меня почти объявили предателем.

— Почти? — Зоряна подняла глаза, и в них мелькнула усмешка. — Значит, ты ещё жив.

Она отложила травы и встала. На ней было простое тёмное платье, но держалась она так, будто носила мантию королевы. Ратибор заметил, что на её левой руке не хватает мизинца — он не помнил этого раньше.

— Что случилось с рукой? — спросил он.

— Старая история, — ответила Зоряна, пряча руку в складках платья. — Ты пришёл не за этим. Говори.

Ратибор вздохнул.

— Мне нужна информация. О Варнаве. О том, что он делал двадцать лет назад. О моей матери.

Зоряна замерла. Её лицо, и без того бледное, стало почти прозрачным.

— Ты знаешь, — сказала она.

— Догадываюсь. Милован сказал, что мать жива. Отец писал в дневнике, что она «за стеной». Я не знаю, что это значит, но Варнава как-то связан с этим.

Зоряна молчала долго. Затем она подошла к двери, заперла её на засов и вернулась к Ратибору. Шелест перелетел на спинку стула и замер, внимательно слушая.

— Твоя мать, Агафья, была моей подругой, — сказала она тихо. — Мы вместе учились травничеству у старой Матрёны. Потом она вышла замуж за Буяна, и всё изменилось. Варнава, тогда ещё молодой старейшина, был влюблён в неё. Она отказала ему. Он не простил.

Ратибор слушал, боясь дышать.

— Когда Агафья забеременела тобой, — продолжала Зоряна, — Варнава решил, что ребёнок может стать оружием. Он хотел использовать тебя, чтобы шантажировать Буяна. Буян узнал об этом и спрятал жену. Но Варнава нашёл её. Он открыл портал в Застенье и столкнул её туда. Буян пытался её вытащить, но понял, что портал нестабилен — если его открыть полностью, Застенье поглотит Белогорье. Он отказался. И тогда Варнава убил его.

— Почему ты не сказала мне раньше? — спросил Ратибор, и в его голосе было столько боли, что Зоряна вздрогнула.

— Потому что если бы ты узнал, ты бы пошёл туда. И умер. — Она подошла ближе. — Варнава силен, Ратибор. Он связан с Застеньем. Он черпает оттуда силу. И он не остановится, пока не получит то, что хочет.

— Что он хочет?

— Формулу. Или её замену. Что-то, что позволит ему вытащить Агафью из Застенья и использовать её магию для своих целей. Агафья — не просто пленница. Она — ключ. Её магия питает портал. Если она умрёт, портал закроется. Если её освободить — портал откроется полностью.

Ратибор закрыл глаза. Всё, что он знал о своём детстве, о родителях, о себе — всё рушилось и складывалось заново.

— Значит, отец не бросил её, — сказал он тихо. — Он пытался её спасти. А я... я ушёл. Я оставил его одного.

— Ты не знал, — сказала Зоряна. — И теперь у тебя есть шанс всё исправить.

Она протянула руку и коснулась его плеча. Ратибор почувствовал тепло её пальцев даже сквозь ткань плаща.

— Я помогу тебе, — сказала она. — Но ты должен пообещать мне одну вещь.

— Какую?

— Ты не пойдёшь в Застенье один. Возьми брата. Возьми меня. Возьми всех, кто может помочь. Потому что если ты погибнешь там, Варнава победит.

Ратибор посмотрел на неё. В её глазах было что-то, чего он не видел раньше — не жалость, не страх, а что-то тёплое и живое.

— Обещаю, — сказал он.

Зоряна кивнула и отпустила его плечо. Затем она вернулась к прилавку и вытащила из-под него маленький мешочек.

— Это полынь, — сказала она. — Настоящая. Не та, что я дала тебе в первый раз. Она поможет тебе видеть ложь. Но не злоупотребляй — она горькая.

Ратибор взял мешочек и улыбнулся — впервые за две недели.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — ответила Зоряна, и в её голосе снова появилась усмешка. — Просто не умри. Мне будет скучно без тебя.

Шелест каркнул с явным одобрением.

Ратибор вышел из лавки. На улице пахло весной — мокрой землёй, первой травой, дымом. Он постоял мгновение, глядя на город, на людей, которые шли мимо, не зная, что где-то внизу, в темноте, что-то шевелится. Что-то ждёт.

Он сунул мешочек за пазуху и пошёл к мастерской Ратмира. Пора было поговорить с братом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. БРАТСКИЙ РАЗГОВОР

Ратибор вернулся в мастерскую Ратмира к вечеру. Брат сидел на полу, окружённый колбами, ретортами и механическими деталями. Клещ ползал по его руке, проверяя суставы, а Шелест дремал на жёрдочке, спрятав голову под крыло.

— Ты чего такой хмурый? — спросил Ратмир, не поднимая головы. — Тебя исключили из Совета?

— Пока нет, — ответил Ратибор, садясь на табурет. — Но исключат, если я не найду доказательства.

— Какие доказательства?

— Что Варнава заказал убийство отца. И что мать жива.

Ратмир замер. Он медленно поднял голову и посмотрел на брата.

— Мать? — переспросил он. — Ты серьёзно?

— Серьёзно. Она в Застенье. Варнава столкнул её туда двадцать лет назад. Отец пытался её вытащить, но не смог. И тогда Варнава убил его.

Ратмир отложил колбу. Клещ перестал щёлкать лапками. Даже Шелест высунул голову из-под крыла.

— Почему ты не сказал мне раньше? — спросил Ратмир, и в его голосе не было привычной колкости — только тихая ярость.

— Потому что не знал, как ты отреагируешь. Ты бы сразу побежал в Застенье. И умер.

— И что? — Ратмир вскочил на ноги. — Это моя мать! Ты думаешь, я буду сидеть и ждать, пока ты найдёшь «доказательства»?

— Я не прошу тебя ждать, — сказал Ратибор, тоже вставая. — Я прошу тебя быть осторожным. Мы не знаем, что там, в Застенье. Мы не знаем, какие силы у Варнавы. Если мы пойдём туда без подготовки, мы погибнем.

— А если будем ждать, Варнава убьёт её. Или использует её против нас.

— Я знаю, — Ратибор положил руку на плечо брата. — Поэтому мы будем готовиться. Ты — алхимией. Я — магией. Зоряна поможет. Матрёна поможет. Мила поможет. Но мы не пойдём туда, пока не будем готовы.

Ратмир смотрел на него долго. Затем он сбросил руку брата и отошёл к окну.

— Ты изменился, — сказал он тихо. — Раньше ты бы уже бежал в Кремль и просил разрешения у своих старейшин.

— Раньше я был дураком, — ответил Ратибор. — Теперь я просто хочу, чтобы мы выжили. Оба.

Ратмир молчал. Затем он повернулся, и на его лице появилась та самая улыбка — озорная, непокорная, но теперь с оттенком чего-то нового, взрослого.

— Ладно, — сказал он. — Готовимся. Но если ты попытаешься командовать, я взорву твою мантию. Договорились?

— Договорились, — улыбнулся Ратибор.

Шелест каркнул с жёрдочки — одобрительно. Клещ защёлкал лапками. Ратмир подошёл к брату и протянул руку.

— За мать, — сказал он.

— За мать, — ответил Ратибор и пожал её.

Ночью Ратибор не спал. Он сидел у окна, смотрел на звёзды. Шелест сидел рядом, на подоконнике.

— Ты боишься? — спросил Ратибор.

Шелест каркнул. «Боюсь. За тебя. За Ратмира. За всех».

— Я тоже, — сказал Ратибор. — Но мы справимся. Мы всегда справляемся.

Шелест посмотрел на него. В его глазах была преданность.

«Справимся», — каркнул он.

Ратибор улыбнулся. Затем посмотрел на город. Кристаллы тускнели. Но некоторые ещё горели. Как надежда.

— Завтра, — сказал он. — Мы начнём готовиться.

Шелест кивнул.

И они стали ждать утра.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ТАЙНА АРХИВА

Ночь была сырой и тёмной. Белогорье спало, только редкие факелы горели на улицах, да в окнах Кремля мерцали магические кристаллы. Ратибор стоял у стены архивного корпуса, вжавшись в тень, и считал удары сердца.

Шелест сидел на его плече, напряжённый, как струна.

— Помнишь план? — шепнул Ратибор ворону. — Ты летишь первым. Если увидишь стражу — каркнешь дважды. Если чисто — один раз.

Шелест кивнул — птица понимала больше, чем любой другой фамилляр, — и бесшумно скользнул в темноту. Ратибор ждал. Прошло десять ударов сердца, затем двадцать. Наконец, из темноты донёсся один тихий карк.

Ратибор выдохнул и шагнул к двери. Замок был магический — простой, но надёжный. Он прошептал заклинание, и дверь беззвучно открылась.

Внутри пахло пылью и старыми чернилами. Ратибор двинулся вдоль стеллажей, ища секцию с алмазной печатью. Он знал, что она должна быть где-то у восточной стены — там, где хранились самые старые документы.

Шелест летел впереди, указывая путь. Ворон остановился у одного из стеллажей и каркнул один раз.

— Здесь? — шепнул Ратибор.

Он протянул руку и нащупал на полке папку с тиснёной алмазной печатью. Сердце забилось быстрее. Он вытащил её и раскрыл.

Внутри были документы. Много. Приказы, письма, отчёты. Он пробежал глазами по строчкам и почувствовал, как кровь стынет в жилах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.